

От редакции

Статья Сергея Петровича Поцелуева была напечатана в журнале «Полис» в начале 2007 г. С тех пор прошло почти десять лет. Но темы и главные идеи статьи обнаруживают удивительную актуальность на фоне происходящих политических событий. Рад, что у меня оказался талантливый и прозорливый студент, а теперь коллега. По этим причинам редакция решила перепечатать статью С.П. Поцелуева.

В.П. Макаренко

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАРАДИАЛОГ¹

С.П. Поцелуев

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье исследуется феномен политического парадialogа как постмодернистской пародии на классическое диалоговое общение. Отталкиваясь (в противоположении) от подходов М. Бахтина и Ж. Делеза и используя в качестве эмпирического материала «телевизионную дуэль» двух известных российских политиков — В. Жириновского и А. Проханова, автор подробно рассматривает семантические и прагматические абсурды и парадоксы парадialogической коммуникации, а также ее инфантильно-игровые аспекты как специфические маркеры авторитарного мышления и ставит вопрос о своеобразной фиктивности, театральности и аномальности парадialogического дискурса. В статье подчеркивается симулятивный и регрессивный характер политического парадialogа, его смущающее и одновременно «терапевтическое» воздействие на массовое сознание.*

Ключевые слова: *диалог, парадialog, абсурд, парадокс, А. Проханов, В. Жириновский.*

Нет ничего смешнее горя.

С. Беккет. Эндишпиль

Желание разобраться в феномене *политического парадialogа* возникло у автора под влиянием краткой, но ёмкой статьи В. Базылева и Ю. Сорокина о постсоветском «новоязе» [см.: Базылев, Сорокин 1998]. Позднее подходящий эмпирический материал для подробного обсуждения темы дал один из выпусков телепередачи В. Соловьева «К барьеру!» (эфир НТВ от 02.02.2006). В телевизионной «дуэли» сошлись два известных персонажа российской политической сцены — В. Жириновский (далее Ж.) и А. Проханов (далее П.). Поводом для их столкновения стала поддержка Ж. резолюции парламентской ассамблеи Совета Европы, осудившей преступления коммунистических режимов. Диалог Ж.–П., по-видимому, заслуживает

¹ Впервые опубликовано в журнале: Полис. Политические исследования. — 2007. — № 1. — С. 33–61.

внимания целого ряда дисциплин, и знакомство с интернетовскими откликами на телепередачу только укрепляет в этом мнении². Нам же «теледуэль» Ж.–П. кажется типичным случаем того, что можно назвать *политическим парадialogом*. Ниже мы попытаемся описать некоторые его черты с точки зрения как общей теории политического языка, так и актуальных тенденций политической коммуникации в современной России.

Парадиалог: исходные дефиниции

Диалог естественно определять по оппозиции с монологом. Возьмём стандартные определения диалога и монолога: «Диалог — это текст, создаваемый двумя партнёрами коммуникации, один из которых (адресант) задаёт конкретную программу развития текста, его интенцию, а другой (адресат) должен активно участвовать в развитии этой программы, не имея возможности выйти за её пределы. Монолог — это текст, который хотя и инициируется, явным или неявным образом, партнёром по коммуникации, но развивается по программе своего создателя без участия или, по крайней мере, без активного участия партнёра по коммуникации» [Ширяев 2001: 274]. Как видим, все сводится к тому, рассчитывает или нет «адресант» на адекватную теме разговора реакцию партнёра по общению. Если речь — не монолог, она оказывается диалогом, и наоборот. Но реальная коммуникация более дифференцирована, чем формальные дефиниции. К примеру, обмены репликами, их грамматически корректные сцепления в разговоре не позволяют относить его к монологу по формальным признакам. Но если реплики семантически (логически) бессмысленны, можно ли общение назвать диалогом, не вступая в противоречие с приведённой дефиницией? Видимо, в этом случае следует говорить не о диалоге, а *парадиалоге*.

Сам термин «парадиалог» (или «квазидиалог») вводят Базылев и Сорокин, называя пара- и антидиалогической речью любого политика. Парадиалог — это речевая ситуация, когда «политика спрашивают об одном (или он сам имитирует возможные вопросы), а он отвечает о другом. Он живёт в ситуации постоянной подмены речи» [Базылев, Сорокин 1998: 8].

Для прояснения вопроса обратимся к исходному смыслу слова «диалог», возраст которого намного солиднее, чем у «монолога». Греч. *διάλογος* означает разговор, а приставка *δια-* указывает на взаимность и соревновательность действия, а также на «разделение»³. Поэтому общение, в котором соревновательность и взаимность лишаются ясных смысловых дистинкций, становятся пародией на самих себя, вполне уместно определить как *парадиалог*. Ведь греч. приставка *παρά-* означает не просто отступление от истины, а её выворачивание, оборачивание, переименование⁴. Соответственно, *парадиалог* — это как бы вывернутый наизнанку диалог, его дискурсивная пародия и симуляция.

Характер парадиалога — инверсия тех принципов диалогического мышления, о которых писал в свое время М. Бахтин: «Чужие сознания, — нельзя созерцать... как вещи, — с

² Интернет-дискуссию об этой передаче, а также полный текст выступлений её участников см.: <http://sementserpent.livejournal.com/295788.html>.

³ Греческий *διάλογος* переключается с латинским *disputatio*, но обнаруживает интересное смысловое отличие от латинского *discursus*. Последний термин, ставший сегодня одним из ключевых при описании коммуникативных процессов, приобрел смысл «беседы, разговора» только в поздней латыни. Тем любопытнее его более ранние значения: бегание (метание) в разные стороны; непрерывное мелькание, барахтанье; бестолковая беготня, суета и т. п. По всей видимости, *discursus* первоначально был чем-то противоположным *διάλογος*, а не «тексту», как мы это сегодня себе представляем. Возможно, слово *discursus* возникло как отражение культурных изменений, происходивших в греко-римском мире в период его «постмодерна». Не случайно именно оно с его значениями «бестолковая беготня, суета, мелькание» стало метафорой нового состояния общения, лишённого как раз тех свойств, которые характерны для *διάλογος* и *disputatio*.

⁴ Ср.: греч. *παρωδός* — не просто поющий неверно, а «поющий наизнанку», т. е. пародирующий; *παράδοξος* — не просто противоречащий мнению, но противоречащий обычному мнению, странный; *παράλογισμός* — не просто ошибочное умозаключение, но вводящее в заблуждение, обманчивое и т. д.

ними можно только диалогически общаться» [Бахтин 1979: 80]. Напротив, парадиалог представляет собой такое общение «сознаний», в котором они систематически низводят друг друга до лишённых всякого достоинства объектов. Причем это взаимное объективирование (овеществление) воспринимается участниками парадиалога скорее как забава, нежели как трагедия. Бахтин находит в романах Достоевского «диалогическое общение с полноправными чужими сознаниями и активное диалогическое проникновение в незавершимые глубины человека» [Бахтин 1979: 80]. Какой «страшно далёкой» от современной коммуникации кажется эта поэтика Достоевского, когда имеешь дело с «диалогом» Ж.–П. — тоже литераторов, мастеров слова и «инженеров человеческих душ». С нашими героями мы оказываемся в совершенно ином коммуникативном царстве, в каком-то кэрролловском «Зазеркалье», с абсолютно новой языковой «флорой» и «фауной».

В парадиалоге Ж.–П. реплики отнюдь не выступают двумя «равно и прямо направленными на предмет» высказываниями, которые «в пределах одного контекста не могут оказаться рядом, не скрестившись диалогически» [Бахтин 1979: 219]. Скорее, они ведут себя подобно делёзовским «смыслам» с их «великолепной стерильностью или нейтральностью» [Делёз 1995: 53]. Напомним, что Ж. Делёз связывает смысл высказывания с «парадоксом чистого становления» или «парадоксом умопомешательства» как «бесконечного тождества обоих смыслов сразу — будущего и прошлого, дня до и дня после, большего и меньшего, избытка и недостатка, активного и пассивного, причины и эффекта» [Делёз 1995: 14]. Здесь смысл событий — всегда двойной смысл, исключаяющий трактовку с точки зрения здравого рассудка. Событие понимается как некий эффект, присущий языку, и тщетно спрашивать, в чем смысл такого события: оно по самой сути принадлежит языку. Согласно Делёзу, такие события-эффекты находятся между собой в отношениях не реальной (логически необходимой), а прозрачной причинности. Это — *квазипричинность*, проявляющаяся во взаимнообратимости причинного отношения, когда для мысли все равно, «кошки едят мошек» или «мошки едят кошек», он украл или у него украли, он убил или его убили. У Делёза получается, что высказывания о событиях-эффектах осмыслены даже тогда, когда они формулируют явный логический абсурд.

У Бахтина мы читаем: «Два равновесных слова на одну и ту же тему, если они только сошлись, неизбежно должны взаимоориентироваться. Два воплощенных смысла не могут лежать рядом друг с другом, как две вещи, — они должны внутренне соприкоснуться, т. е. вступить в смысловую связь» [Бахтин 1979: 219]. Напротив, делёзовские смыслы с их «замечательной стерильностью» не испытывают никакой потребности на кого-то «сориентироваться», с кем-то «вступить в связь» и «внутренне соприкоснуться». Смыслы Делёза как бы «асексуальны» по отношению к другим смыслам, у них нет смыслового «пола», полярности, их вообще не интересует «их иное». Главным героем Бахтина является «двуголосое слово, неизбежно рождающееся в условиях диалогического общения» [Бахтин 1979: 219]. «Фигурант» же Делёза — «система отголосков, повторений и резонансов» [Делёз 1995: 205] нейтральных смыслов. Эти смыслы не находятся ни в диалоге, ни в монологе. Они находятся в парадиалоге как потоке «чистого становления», «дискурса», который для неискушенного обыденного сознания почти не отличается от бреда⁵.

Политический парадиалог — это прежде всего пародия на «сократический диалог». В основе последнего, по мнению Бахтина, лежит представление о диалогической природе истины: «истина не рождается и не находится в голове отдельного человека, она рождается *между людьми*, совместно ищущими истину, в процессе их диалогического общения» [Бахтин 1979: 126]. Парадиалог полностью инвертирует такое понимание истины. «Истина», которая

⁵ Кстати, этот момент Базылев и Сорокин отмечают особо. Они пишут о политике как о человеке «с измененным (смещенным) состоянием сознания», речь которого, будучи «вербальной реакцией на постоянный стресс», представляет собой «форсированный звуковой поток», главной функцией которого является не убеждение, а подавление собеседника [Базылев, Сорокин 1998: 8].

рождается и живёт в парадиалоге, есть опять-таки делёзовский «эффект», эффект смысловой, но в *равной мере* и визуально-шумовой. Он мимолётен, живёт только во время эфира, лишён всякой субстанциальности и причинности, в отличие от бахтинских «идей» и «мыслей», рождаемых (с творческой мукой) в диалоге.

Для характеристики политического парадиалога небезынтересно, что «событие, которое совершается в „сократическом диалоге“ (или, точнее, воспроизводится в нем), является чисто идеологическим событием искания и *испытания* истины» [Бахтин 1979: 127]. Бахтин отмечает, что идеологический монологизм эпохи Просвещения — продукт европейского рационализма — стал закономерным отрицанием сократического диалога. Современный политический парадиалог тоже есть отрицание сократического диалога, но отрицание, свойственное постмодернистским эпохам: упразднение явления в форме пародии и симуляции. Политический парадиалог отрицает идеологичность сократического диалога уже тем, что в нем нет идеи, которая «хочет быть услышанной, понятой и „ответченной“ другими голосами с других позиций» [Бахтин 1979: 127]. Здесь даже нет того нововременного монологизма «идеологического творчества», который у Бахтина образует диалектическую противоположность диалогическому принципу. В классической идеологии дух нации, народа выражает одно и единое сознание. А в парадиалоге оно обнаруживает явные признаки шизофрении: его постоянно «несёт» в какой-то безумной скачке идей. Одним словом, парадиалог — это не идеологический субститут диалогичной по своей природе идеи, но абсурдистское шоу идеологических уродцев.

Речь участников парадиалога представляет собой вербализацию автокоммуникативного потока их сознания. Вместо взаимодействия «точек зрения», «концепций», «идеологий», там происходит простое совмещение в пространстве и во времени (как в коллаже, клипе) двух потоков мышления и речи. Это противоречит принципу успешности стандартного диалогового общения. Продуктивное общение подразумевает, что в каждый конкретный момент будет говорить «только один из присутствующих. <...> Несколько тем могут рассматриваться только поочерёдно. Участники разговора должны либо ограничить свои реплики актуальной в данный момент темой, либо добиться изменения темы. Это может приводить к тихой борьбе за власть, к борьбе за центр сцены и за внимание других. Уже на простейшем уровне стихийного общения лицом к лицу *нет социальных систем с равными шансами*» [Luhmann 1975: 10–11].

Для анализа парадиалога следует уточнить приведённое положение Н. Лумана. В разговоре между экспертами борьба за коммуникативную власть ведётся в контексте предметного спора, поэтому внешне она действительно может быть тихой. Но в парадиалоге коммуникативная борьба выходит на передний план, подчиняя себе предметную логику спора. Борьба довлеет, превращая диалог в разновидность коммуникативно-властного «искусства для искусства», а предметную логику рассматриваемых тем — в набор бессмыслиц.

В парадиалоге часто нарушается и очерёдность реплик «в тему». Участники парадиалога нередко говорят одновременно, оставаясь на своей тематической волне. По этой причине декодирование парадиалога внешним наблюдателем осуществляется не только линейно, как в книжном дискурсе, но и пространственно, как в случае визуального восприятия. Внешний наблюдатель способен, в лучшем случае, дать осмысленную интерпретацию отдельных фрагментов парадиалога (некоторых реплик, микросюжетов, аргументов) или сделать общий вывод, что один из участников «спора» *выглядел* более успешным, нежели другой. Но коммуникативная успешность понимается здесь в квазиэстетическом смысле. Наблюдатель не в состоянии ни подключиться к такому «диалогу» (ибо нет смысловой нити, за которую можно ухватиться), ни однозначно объявить себя на стороне кого-то из оппонентов. Диалог приобщает наблюдающего «третьего» к роли собеседника, парадиалог же обрекает его на положение публики.

Логический абсурд и квазиконъюнктивный синтез в парадialogе

Однажды он начал объяснять глуповцам права человека; но, к счастью, кончил тем, что объяснил права Бурбонов. В другой раз он начал с того, что убеждал обывателей уверовать в богиню Разума, и кончил тем, что просил признать непогрешимость папы. Все это были, однако ж, одни *façons de parler*; и в сущности виконт готов был стать на сторону какого угодно убеждения или догмата, если имел в виду, что за это ему перепадёт лишний четвертак.

М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города.

Классические представления о диалоге исходят из наличия у его участников определённой позиции. По мере развёртывания диалога она может меняться, вплоть до противоположной. Но даже радикальное изменение мыслится как последовательный логический процесс, в ходе которого у участников возникают «прозрения», открытия и т. п. В парадialogе это полнотой исчезает, заменяясь бессвязной совокупностью суждений в рамках автономных микросюжетов. Эти сюжеты лишь формально, в силу ассоциативной «логики» говорящего, объединены общей (объявленной) темой, причем сами сюжеты и суждения зачастую строятся на «любимой связи» антиномий.

Обратимся к началу «теледуэли». Ж. выдвигает обвинение в адрес субъекта по имени «ВЫ», с которым идентифицирует оппонента. Он приписывает ему предикаты, которые в реальности не только не объединяются, но выступают атрибутами политических антиномий, враждующих партий, идеологических противников: ВЫ разрушали капитализм (отбирали фабрики у фабрикантов); ВЫ сдали коммунистический режим, объявив его преступным; ВЫ начали перестройку; ВЫ провели «идиотские реформы, вернув страну в дикий капитализм»; ВЫ это сейчас защищаете. Аналогичным образом, на «ВЫ» возлагается ответственность за столь разные внешнеполитические действия, что это сводит его к абсурду: ВЫ отдали Польшу, Финляндию; ВЫ развязали вторую мировую войну; ВЫ породили генерала Власова, которого до сих пор считаете предателем; ВЫ уничтожили два миллиона советских солдат; ВЫ создали Советский Союз, который сам рухнул. Наконец, «ВЫ» предстаёт ускользающей в дурную бесконечность прогрессией самоотрицаний, абсурдным, саморазрушающимся феноменом: «Я родился в 46-м г., когда Абакумов, прекрасный министр госбезопасности... ВЫ его уничтожили. ВЫ Дзержинского уничтожили. ВЫ уничтожили Менжинского, Ягоду, Ежова, Берию. ВЫ сами себя уничтожаете». Впрочем, Ж. и свою позицию подаёт как своеобразную пародию на *reductio ad absurdum*: «И то, что касается „поддерживать режимы“, я бы выступал за царя. И сегодня скажу, сто раз за царя, а ВЫ царя убили. Я бы при Сталине выступал бы за Сталина, но ВЫ и его выкинули из Мавзолея, ВЫ. Я поддерживал Брежнева».

Если чисто семантически оценивать текст Ж., то он скрывает в себе бессмысленное сочетание несочетаемых положений. Возьмём, к примеру, такой пассаж: «Собрали страну на штыках Красной армии. Этого хотели народы Закавказья, Прибалтики, Украины? У них спросите! Чего же они разбежались в 91-м г.? Как только перестала существовать Красная армия — все моментально от нас разбежались. Сегодня воруют наш газ. Где наша Красная армия?!». В этом пассаже Ж. грубо объединяет две взаимоисключающих позиции: либеральную и имперскую. Но этот очевидный логический абсурд упакован в определённые коммуникативные послания. Ж. важно сохранить у части публики впечатление, что он — русский империалист, а не прозападный либерал, что он именно досоветский, царский империалист, а коммунисты — империалисты-неудачники, что свой старорусский империализм он не может высказать откровенно и только намекает на него. Одновременно Ж. отправляет прямо противоположные по смыслу послания-намёки: что его империализм не более чем карикатура на

империализм, что на самом деле он против русского империализма и всяческого колониализма и вообще «настоящий Жириновский» — это стопроцентный европейский либерал. Основная коммуникативная тактика Ж. — посылать одновременно и равно убедительно (для этого и нужен талант артиста повседневности) взаимоисключающие послания.

Одним словом, описываемого Ж. «ВЫ» никогда не существовало и не могло существовать. Это «ВЫ» — оксюморон, чисто вербальный конструкт вроде «круглого квадрата», «жареного льда» и пр. Но этот конструкт имеет чёткий коммуникативный смысл. Идентифицируя П. с «ВЫ» как вместилищем всех отрицательных сторон российской истории, Ж. добивается эффекта деградации оппонента в споре. С моральной точки зрения такая тактика сомнительна, зато позволяет поймать в коммуникативную сеть часть политической публики.

К аналогичным конструкциям прибегает и П., причём «ВЫ», с которым он идентифицирует Ж., выглядит ещё более фантастическим и нелепым: «МЫ вошли в Берлин, а ВЫ сожгли себя в Имперской канцелярии». Впрочем, «фантастики» немало и во вступительной «обвинительной речи» Ж.: «ВЫ же ночью пришли, с оружием в руках, подготовленные в Германии, в Америке, в кожанках и в маузерах». Здесь, помимо прочего, видно, что Ж. и П. употребляют ещё один специфический вид абсурдных предложений, которые Дж. Остин предпочитал именовать «недействительными»⁶. Речь идёт об утверждениях, которые, не будучи внутренне противоречивыми, соотносятся с несуществующими явлениями. К примеру, Ж.: «Коммунист Ющенко ворует наш газ»; или П.: «ВЫ сожгли себя в Имперской канцелярии». Абсурдность указанных заявлений не вполне снимается контекстом диалога. Они не декодируются однозначно — ни участниками диалога, ни слушателями — как метафоры, пусть даже и рискованные.

Герои нашего парадialogа нередко используют то, что И. Смирнов назвал квазиконъюнктивным отрицанием конъюнкции. Смирнов рассматривает квазиконъюнкцию как отрицание И-отношения в форме его симуляции. В русской литературе XIV–XV вв. квазиконъюнкция заключалась «в создании *псевдообъединений*, сопрягающих элементы в пары без достаточного на то основания. <...> Реципиент приглашается в этом случае к тому, чтобы самостоятельно расшифровать за внешней конъюнктивностью внутреннюю несопоставимость явлений» [Смирнов 1991: 109]. Из трех (перечисленных Смирновым) функций квазиконъюнктивной псевдообъединительной процедуры в парадialogе востребованы прежде всего первые две: выхолащивание натуральной (жизненно необходимой) конъюнктивной сущности явления (ситуации), замена её чисто формальным объединением сторон и конструирование ложного мировосприятия, предполагающего И-отношения там, где их нет [Смирнов 1991: 111].

Ж. и П. используют квазиконъюнктивное отрицание конъюнкции (как подлинного И-отношения) для сокрытия своих советских корней. Каждый из них тесно связан и с «коммунистической», и с «антикоммунистической» Россией: оба социализировались и делали карьеру в СССР, но оба остались «при деле» и в России постперестроечной. Теперь им нужно как-то дистанцироваться от советского прошлого. Поэтому они стремятся выхолостить натуральность указанного отношения. Прежде всего это характеризует позицию Ж. В парадialogе Ж. презентурует себя в качестве антикоммуниста, однако П. ставит под сомнение его право выступать в роли обвинителя явления, которому он по существу «обязан своей карьерой, своей партией»: «Вы родились из сюртука Владимира Александровича Крючкова. Вы были по существу... агентом красным». В ответ Ж. пытается придать реальному И-отношению статус случайного, противоестественного: «Причём здесь Комитет защиты мира? Это — обычное учреждение, где принимаются на работу. <...> А причём здесь КГБ? Да, весь организм Советского Союза был проникнут КГБ. Так это ВЫ сделали».

⁶ Остин имеет в виду утверждения типа «нынешний король Франции лыс» или «все дети Джона лысые». [Остин 1986: 36; 55].

П. тоже надо формализовать свое И-отношение к советскому прошлому, ибо и его упрекают в противоречивости идейной позиции. «Секундант» Н. Васецкий не поймёт, как в П. уживаются «русский человек» и «марксистский коммунизм». Чтобы снять претензии, П. строит квазиконъюнкцию: «...К марксизму и коммунистической партии я никогда не имел отношения. <...> Но я — советский человек, и в моем представлении советская страна — это огромный исторически материк... где были страшные репрессии, но была великая победа».

Одновременно оба участника парадialogа стараются представить «ложными» претензии оппонента на принадлежность к какой-то системе ценностей или классу явлений. Если один участник спора подчёркивает наличие естественных И-отношений между собой и некоей системой (классом), то его оппонент изображает эти отношения как квазиконъюнкцию, псевдообъединение того, что заведомо не поддаётся объединению. Так, П. стремится представить идентификацию Ж. с демократическими ценностями как чистое приспособление, т. е. фиктивную парность: «Вы, господин Жириновский, наконец-то сбросили свою маску. Под этой маской я видел лицо очаровательного культуртрегера еврейской организации „Шалом“. Потом я видел Вас работником Комитета солидарности стран Азии и Африки, это кагэбэшная структура... Потом Вас создали ещё при советском строе... Затем Вы стали тем, кем Вы сейчас являетесь». Аналогичный приём использует и Ж., пытаясь показать квазиконъюнктивный характер отношения П. к коммунизму и, напротив, натуральность его И-отношения к капиталистической системе: «Вы же сегодня имеете свою газету, чего Вы не работаете клерком в „Российской газете“? Вы же частник, Вы — капиталист! <...> А сами защищаете тех, кто Вам не смел даже слово сказать при советской власти!»

Таким образом, из двух упомянутых выше форм квазиконъюнкции первая применяется П. и Ж. при самоописании, а вторая — при описании оппонента, его прошлой жизни, современной позиции, личностных качеств и т. д. Возможно, эта функциональная дихотомия существенна не только для рассматриваемого случая, но воспроизводится в любом политическом парадialogе.

Парадialog как парадоксальная коммуникация

Дорогой, а хорошо ли тебе было в тюрьме? — спросил Вылизаяц.

Шлепочник ещё раз обернулся, и большая слеза покатила по его щеке. Но он не сказал ни слова.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

Парадialog связан с парадоксом не только общей греческой приставкой, но и по существу. Удачное определение парадокса дал Ж. Делёз: «Здравый смысл утверждает, что у всех вещей есть четко определенный смысл; но суть парадокса состоит в утверждении двух смыслов одновременно» [Делёз 1995: 13].

В «теледуэли» Ж.—П. парадоксальность предстаёт прежде всего в форме парадокса лжеца и порождается речевой трансформацией «МЫ» в «ВЫ» и обратно. Так, Ж. постоянно характеризует некий класс объектов (=субъектов), именуемый «ВЫ», как «лжецов». Потом обнаруживается, что к этому классу он неявно относит и самого себя — через высказывания, которые в качестве пресуппозиций предполагают именно такое отнесение. «Все отождествляющие себя с советским государством — лжецы», — внушает своим слушателям Ж. (слова *ложь*, *лжёт*, *лжецы* постоянно присутствуют в его репликах) и... идентифицирует себя с этим государством. Так, обвинив «ВЫ» в том, что они насильно собрали при помощи Красной Армии советскую империю, Ж. тут же заявляет: «Сегодня воруют наш газ. Где *наша* (а не ВАША) Красная армия?»

Но Ж. не просто продуцирует логические парадоксы. Он — мастер *парадоксальной коммуникации*: он создаёт для контрагента невыносимую коммуникативную ситуацию, строя вопросы по принципу языковых парадоксов:

Ж.: В Афганистан зачем ВЫ пришли? В Афганистан... Зачем ВЫ пришли? Зачем? (*хохот в студии*).

П.: Зачем я *сюда* пришёл?

Здесь вопросы Ж. относятся одновременно к разным уровням языка: «пришли в Афганистан» — к языку объектному, а конструкция «ВЫ» — к метаязыку. Это аналогично предложению «Шел дождь и два китайца» или «Владимир Жириновский — известный политик и вкусная водка».

Ещё один род парадоксов парадialogа связан с игровым статусом его дискурса. Игра, как известно, есть парадоксальное действие. Она принадлежит к классу обычных действий и в то же время снабжена метакоммуникативным указанием на то, что речь в данном случае идёт не о «серьёзном» занятии, но о «действии понарошку». В нашем случае формальная коммуникативная рамка диалога-дуэли (кто больше наберёт голосов телезрителей?) предполагает игру как состязание по правилам, т. е. игру в смысле *game*, но реально участники диалога постоянно соскальзывают в парадоксальное пространство *play*.

Срыв в игровое пространство, на другой уровень абстракции, совершает прежде всего Ж. Он — коммуникативный лидер в диалоге с П. Он производит проломы и расколы в дискурсе, экспериментирует с его семантическими рамками. Так, Ж. заявляет: «А сегодня народ безмолвствует», и указывает рукой на сидящих в студии людей. Этим жестом как бы проговаривается: а теперь мы поиграем в игру. Пусть эти люди в зале будут народ. Ж. продолжает: «Если я выкормыш Крючкова — он ещё жив — давайте спросим. (*Кричит, как будто Крючков сидит рядом в зале.*) Владимир Александрович! (*Переходит на командный тон.*) Генерал Армии Крючков! Скажите, чей я выкормыш?!» Тем самым игровая ситуация окончательно закрепляется. Примечательно, что П., вместо того чтобы вернуть дискуссию в серьёзное русло, идет вслед за Ж. и подхватывает игровое направление. П. (*по-детски кривляясь*): «... „Мой, мой выкормыш!“», — кричит генерал КГБ».

Коммуникативное лидерство Ж. выражается также в несравненно более частом, чем у П., использовании речевого акта вопрошания. Своими вопросами Ж. ставит оппонента в неловкое положение, похожее на известную ситуацию *double bind*: на эти вопросы невозможно корректно ответить в силу их парадоксальности, но молчание в данной ситуации хуже, чем любой вербальный ответ.

П.: Вы никогда не были на танке! Вы всегда были на койке, либо с бабой, либо с каким-либо персонажем странным, либо за стойкой бара, когда мы воевали!

Ж.: Вы, Вы были на танке? Где этот танк? Где этот танк?!

П. (*в смущении кивает рукой на свой барьер*): Вот этот танк! Я по-прежнему стою на этом танке! (*хохот в студии*).

Здесь Ж. придаёт вопросу: «Где этот танк?» — одновременно и буквальный, и метафорический смысл. Поэтому П. не может ответить: «Нет этого танка», ибо это равнозначно признанию в том, что он говорит неправду. Вместе с тем, чем подробнее будет доказывать П. истинность своего утверждения (что он стоял на каком-то танке), тем нагляднее он продемонстрирует коммуникативное превосходство Ж., перед которым надо в чем-то отчитываться. Чтобы не проиграть, П. должен сломать это коммуникативное обрамление и выйти на новый уровень абстракции, пусть даже посредством вопроса: «А кто Вы такой, чтобы я перед вами отчитывался?» Но он защищается как шизофреник или ребёнок: придаёт метафорическому смыслу оттенок буквального, вызывая тем самым колоссальный комический эффект.

В «теледуэли» Ж.–П. крайне парадоксально и поведение ведущего передачи. Обычно роль модератора не выходит за рамки дискурса, который он коммуникативно организует. Соловьев же время от времени прорывает дискурсивную рамку и даёт метакомментарий. Уже в

самом начале он с грубой иронией замечает по поводу тирады П.: «Неважно, какой смысл. Но слог-то какой!». Здесь — не просто выражение мнения по поводу сказанного П., а оценка дискурса в целом, причём со стороны субъекта, ставящего себя вне этого дискурса, но продолжающего в нём пребывать.

Роль Соловьева парадоксальна уже своей многоликостью. То он — олицетворение уравновешенной мудрости и нормальности, опытный врач-психиатр, знающий, как вести себя и с тихо-, и с буйнопомешанными, то опытный мастер, организующий злобежку псов или схватку боевых петухов. Является перед зрителем и Соловьев-Мефистофель, почти с дьявольской иронией отпускающий метакоммуникативные замечания по поводу тирад своих «человеческих кукол» и разбавляющий их бред байками из истории тщеты человеческой. Публике даётся понять: политика есть чушь и гиль, и эта «теледуэль» — тоже чушь, и вообще все «суета сует».

Но в парадialogе Ж.–П. парадоксальна не только коммуникативная роль ведущего, но и сами рамочные условия дискурса. С одной стороны, «теледуэль» *вроде бы* строится как развлекательный жанр. С другой — в ней участвуют не мастера эстрады и не «люди с улицы», а профессиональные политики и вообще солидные люди с релевантным общественным статусом. Обсуждаемые темы тоже крайне серьёзны, даже драматичны для страны. Таким образом, несерьёзность игры парадоксально сочетается с серьёзностью её тематического содержания. В результате сознание телезрителя постоянно пребывает в раздвоенном состоянии: оно вынуждено воспринимать все несущееся с «голубого экрана» серьёзно и несерьёзно, как реальность и фикцию одновременно.

Парадоксально, сверх того, сочетание самих правил игрового действия. Понятие дуэли предполагает защиту чести и достоинства в поединке со строго определённым ритуалом. В нём нет места оскорблениям и брани (в реальной жизни все это бывало причиной дуэли, а не её содержанием). У Соловьева же «дуэлянты» начинают выяснять отношения на уровне коммунальной кухни. В «теледуэли» Ж.–П. даже «секундант» С. Шаргунов (писатель) не удержался и обозвал Ж. «бесом». И, наконец, ещё один парадокс, на который зритель не сразу обращает внимание: подразумевается *вроде бы* «дуэль», однако в ней почему-то участвуют «судьи». Ведь даже если имеются в виду судьи в смысле рефери, опять возникает неясность: зачем тогда секунданты? А те вообще ведут себя странно: то ли как свидетели, то ли как сообщники. Одним словом — сплошной парадокс, как в увлекательном сновидении. И он крайне усиливает театральную игровую эффект, ощущение фиктивности, ирреальности происходящего. Картинки, которые зритель получает на «выходе», развлекают, порой завораживают своей нелепостью, но мало просвещают относительно реального положения дел в стране.

Прагматические бессмыслицы парадialogа

Какая разница между пуганой вороной и письменным столом? <...> Ты отгадала загадку?
 Нет, сдаюсь, — сказала Алиса. — А какой ответ?
 Понятия не имею, — сказал Шляпа.
 А я тем более, — поддержал Заяц.
 Алиса тяжело вздохнула.

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес.

Парадialog сознательно культивирует прагматические бессмыслицы. Это относится прежде всего к выпадению так наз. «вещественных предпосылок коммуникации» [Падучева 1982: 86], одной из важнейших среди которых выступает общая для участников разговора картина мира. Другими словами, бессвязность парадialogа во многом объясняется тем, что его участники исходят из совершенно разных моделей мира. Но такое несоответствие не яв-

ляется чем-то естественным и случайным: взаимоисключающие картины мира часто конструируются по ходу разговора. Например, в своей «теледуэли» Ж. и П. предлагают диаметрально противоположные трактовки советской истории. Для Ж. советский строй — «страшный, преступный режим», для П. — славное прошлое «красной империи». Вместе с тем за этим расхождением мировоззрений не стоит никаких реальных идейных различий и конфликтов. Антагонизм мировоззрений оказывается чисто языковым эффектом, поэтому он постоянно подвергается ревизии, пародии, инверсии. Так, имперский идеал близок и Ж., и у слушателя временами создаётся ощущение, что собеседники могли бы найти здесь общий язык. Однако это — только видимость, ибо традиционно русская «имперскость» без всяких опосредствований дополняется у Ж. либерально-демократическими лозунгами. Дискурс Ж. вообще не рассчитан на какую-то одну модель мира; он сориентирован на все модели сразу и ни на какую из них в отдельности.

Как замечает Е.В. Падучева, имеется множество бессвязных диалогов, которые допускают двоякое истолкование — «либо как нарушение последовательности речевых актов (за данным не последовал тот, который предполагался), либо как нарушение постулата релевантности; при первой интерпретации требуемой реплики собеседника не было; при второй — реплика была, но нерелевантная» [Падучева 1982: 99-100]. Образцы подобной абсурдности даёт уже начало «теледуэли». Ведущий приглашает Ж. задать вопрос, а тот излагает обвинение, как бы зачитывает исторический приговор «русскому коммунизму» в лице П. При этом ведущий делает вид, что не заметил подмены, и после тирады Ж. говорит без видимой иронии: «Вопрос понятен», и приглашает к ответу П., который, тоже ничуть не смущаясь, зачитывает свой приговор всем «предателям коммунизма» в лице Ж.

Особенно частой формой нарушения последовательности речевых актов в парадialogе является замена ожидаемого иллюкутивного акта⁷ не просто нерелевантным по пропозициональному содержанию, но вообще не относящимся к теме (смыслу) вопроса. Участники диалога либо вообще не реагируют на реплики собеседника, либо реагируют на уровне тематической эхоталии⁸, подхватывая какие-то элементы сюжета, отдельные слова, выражения, но оставаясь «на своей волне». Пример из «теледуэли» Ж.–П.:

Ж.: Он на все готов! Дай ему сейчас 5 миллионов парней, он их погонит в Иран, в Ирак...

П.: Я просто... помню времена...

Ж.: В Афганистан зачем Вы пришли? В Афганистан... Зачем Вы пришли? Зачем? (*хочет в студию*).

П.: Зачем я сюда пришёл? Я пришёл защищать Советский Союз!

Ж.: Вот хорошо, что Вы здесь...

П.: Благодаря таким, как Вы, мы откатились...

Ж.: Это Ваш суд. Ваш, Проханов, Московский трибунал.

П.: Мы откатились от великих границ...

Ж.: 13 тысяч застреленных солдат...

П.: Мы сжались до МКД...

Ж.: Полмиллиона искалеченных солдат...

П.: Мы превратили нашу Москву в маразм. В центре — маразм. Вы, Вы — царь маразма! Боже мой!

⁷ Под *иллюкутивным актом* здесь, как и вообще в лингвистике, понимается коммуникативный аспект речи, т. е. все то в ней, что необходимо для передачи её смыслового (пропозиционального) содержания другому человеку. Соответственно, различают иллюкутивные акты вопрошания, побуждения, обвинения и др.

⁸ Под *эхоталией* подразумевается произвольное повторение отдельных звуков, слов, предложений или фрагментов слышимой речи. Такое подражание не сопровождается пониманием смысла чужой речи, однако может выполнять фатическую функцию (ориентация на контакт, участие в социальном взаимодействии).

Ж.: Чечня! Чечня!

П.: Я был на всех войнах!

Ж.: В Чечне...

П.: Я был на двух чеченских войнах...

Ж.: И ВЫ её начали!

П.: А Вы прятались под кроватью!..

Ж.: Зачем ВЫ начали войну в Чечне?! (*хохот в студии*).

Возможны также ситуации, когда участник парадIALOGа *реагирует* на реплику собеседника (не обязательно на вопрос), но *сознательно* неадекватно: резкой сменой невыгодной для него темы. В приведённом выше фрагменте к этому прибегает Ж., неожиданно обращаясь к теме «Чечня».

Прагматические бессмыслицы порождаются в парадIALOGе и нарушением предварительных условий речевых актов. Возьмём вопрошание как наиболее частый для любого диалога речевой акт. Чтобы это действие было коммуникативно осмысленным (успешным), вопрошающий должен не знать ответа и пытаться получить его от слушающего, полагая, что тому этот ответ может быть известен. Это, казалось бы, банальное условие отнюдь не самоочевидно для абсурдной коммуникации, каковой является парадIALOG. Вопросы типа «Зачем ВЫ пришли в Афганистан?», «Зачем ВЫ начали войну в Чечне?» нарушают именно это предварительное условие вопрошания: Ж. уже заранее знает «ответы» на свои «вопросы», тогда как его оппонент их не знает и знать не может ввиду логической абсурдности и/или прагматической парадоксальности самих вопросов. Далее, такие вопросы нарушают условие искренности: задавая их, Ж. отнюдь не хочет получить от П. какую-то информацию (в строгом смысле этого слова). По сути дела вопросы Ж. — это вообще не вопросы, а чистые провокации, призванные произвести определенный сценический эффект.

Аналогичная сцена разыгрывается, когда Ж. надо ответить на неудобный для него и двусмысленный вопрос В. Алксниса:

АЛКСНИС: И вот я хотел вас спросить, неужели Вам не было противно в том зале в Страсбурге голосовать так, как голосовал Ландсбергис, Добелис и другие русофобы и враги России, и как вот Вы могли оказаться в одной лодке вместе с ними?

Ж.: Коммунист Алкснис! До сих пор ВЫ боитесь Европы! Вот этого новая Россия больше не хочет. <...> ВЫ понимаете, с 18-го г. нас отгородили, и уже 2006 г., а ВЫ все ждёте... «Европа — идиоты, только мы одни хорошие». Вот собрались — кучка недобитых коммунистов, только ВЫ хорошие. Китайцы ненавидят ВАС <...>, у них уже в китайский цвет окрашен Дальний Восток наш. Это ВАШИ коммунисты.

АЛКСНИС: Благодаря ВАШИМ предательствам.

Ж.: Нет, коммунистов нигде нет, это — националисты в Китае.

ВЕДУЩИЙ: Это не тот вопрос, который задал господин Алкснис.

Ж.: Это тот самый вопрос.

ВЕДУЩИЙ: Нет, господин Алкснис задал вопрос о предательстве интересов России.

Ж.: Так вот он правильно понимает интересы России, я никогда не был за советскую Россию или за коммунистическую. Я с детского сада с ними боролся, с детского сада. Меня в 53-м г. исключили.

П.: Вы делали «пи-пи».

Ж. в данном случае грубо подменяет тему вопроса (предательство интересов России) серией других сюжетов, с нею непосредственно не связанных («железный занавес», «китайская угроза»), и при указании на эту бессвязность продолжает настаивать на своем вопреки здравой логике. Ощущение паранойи ещё больше усиливает фантастический рассказ Ж. о своей борьбе с коммунизмом в шестилетнем возрасте. Все это создаёт совершенно фантастическую картину, на фоне которой явные логические нелепицы («китайцы — Ваши же коммунисты», хотя «китайцы — не коммунисты, а националисты»; «коммунистов нет нигде»,

хотя «коммунизм ещё жив»; «я с детского сада боролся с коммунизмом», хотя «при Сталине я выступал бы за Сталина») воспринимаются как милые несуразности.

Рассмотренные случаи прагматической абсурдности парадialogа не исчерпывают темы, однако хорошо показывают главное: абсурдность делает невозможной передачу предметного содержания речи.

Парадиалог как коммуникативный нонсенс

Хотите ещё сухарик?

Нет, благодарю, — ответила Алиса. — Одного совершенно достаточно.

Надеюсь, вы утолили жажду? — сказала Королева.

Алиса не знала, что ответить, но, к счастью, Королева ответа и не ждала...

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

При выпадении каких-либо пресуппозиций коммуникативного акта он может быть семантически абсурдным, но не являться абракадаброй с прагматической точки зрения. Проиллюстрируем это эпизодом из пьесы С. Беккета «В ожидании Годо»:

ПОЦЦО (резко). Кто такой Годо?

ЭСТРАГОН. Годо?

ПОЦЦО. Вы меня приняли за какого-то Годо.

ВЛАДИМИР. Что вы, мсье, как вам такое в голову могло прийти, мсье...

ПОЦЦО. Кто он?

ВЛАДИМИР. Да так... один знакомый.

ЭСТРАГОН. Ничего подобного! Мы его совсем почти не знаем.

ВЛАДИМИР. Ну, в общем, да, конечно, близко мы не знакомы, но... тем не менее...

Как видим, высказывания участников этого разговора противоречивы и даже абсурдны, но эта абсурдность коммуникативно осмысленна (страх Владимира и Эстрагона перед Поццо). Участники диалога все же реализуют принцип кооперации как желание достичь взаимопонимания, хотя выпадение отдельных пресуппозиций делает последнее не вполне адекватным. Но даже если «взаимопонимание» ограничивается трагическим осознанием взаимного непонимания — это осмысленная, пусть и абсурдная, коммуникация. Напротив, парадialog даёт образцы коммуникативного нонсенса или абракадабры. Абсурд — это крах каких-то смысловых интенций. Нонсенс — свободная игра форм, в нем нет серьёзной, драматической ангажированности эмоций. Правда, в нем есть *удовольствие от бессмыслицы* — забавное, смешное, в чем-то даже злое поведение. Оно аналогично детско-отроческим удовольствиям от созерцания и причинения бессмысленных разрушений, издевательств, «дразнилок», ёрничанья, глумления и т. п.

Парадиалог как коммуникативный нонсенс нарушает правила коммуникации (постулаты Грайса), требующие от её участников информативности, истинности, релевантности и ясности изложения своих мыслей. К этим правилам можно добавить ещё одно («правило порядочности»): будь справедлив по отношению к собеседнику, не стремись его обидеть, употребляй аргументы *ad rem*, а не *ad hominem*. Т. Николаева справедливо указывала на иллюзорность представления (лежащего в основе теории коммуникативных неудач), будто все участники коммуникации идут навстречу друг другу в соответствии с «принципом кооперации», т. е. нацелены на уяснение позиции оппонента и достижение взаимопонимания. На деле (и это очень хорошо видно в коммуникации политиков) люди в общении стремятся навязать собеседнику свое мнение, используя всевозможные средства манипуляции. При анализе политической коммуникации следует говорить не столько о принципе кооперации, сколько о

принципе *некооперации*, о «коммуникативном саботаже» [Николаева 1990: 225–226]. Особенно отчётливо данная закономерность просматривается в случае политического парадиалога. Проиллюстрируем это на примерах из «теледуэли» Ж.–П.

Постулат информативности (по Грайсу) гласит: высказывания участников диалога не должны содержать лишней, не относящейся к делу информации. Можно было бы ожидать, по крайней мере, от П. (критика упомянутой выше резолюции ПАСЕ) аргументированной речи, сообщений по существу. Но с чего он начинает? С метафоры дохлого советского кита. Она не содержит никакой информации о подлинных мотивах поведения Ж. и рассчитана лишь на создание негативного образа оппонента. Типичный пример подмены аргументов *ad rem* аргументами *ad hominem*. Открывающий теледискуссию (и в известной мере задающий её тон) Ж. делает то же самое: мифический образ «пришедших ночью» кровожадных комиссаров дополняется бредообразным рассказом об их страшных преступлениях за последние сто лет.

Парадиалог Ж.–П. систематически нарушает и правило релевантности: говори то, что в данный момент относится к делу. Как далеки от этого Ж. и П., хорошо показывает следующий фрагмент:

Ж.: Совет Европы, не упоминая ни разу слово «Россия», не упоминая никакой «войны», осудил преступление, совершенное при любых коммунистических тоталитарных режимах, имея в виду и Китай, и Кубу, и Пол Пота... Может быть, Пол Пота в Камбодже будете защищать?! Это тоже было правильно?

П.: А Саддама Хусейна Вы будете защищать? А Иран Вы будете защищать?

Ж.: Нет!

П.: Вот Вы и предатель!

Ж.: Нет!

П.: Вы — предатель стратегический, Вы предаёте всех, к кому прикасаетесь!

Ж.: Нет! А за что мы должны защищать Ирак?

П.: На Вас Каинова печать!

Ж.: За что Ирак защищать?!

П.: Вы — Иуда. Ж.: ... Взял наши танки, ракеты на 9 миллиардов долларов, теперь ничего не отдаёт. Ничего.

П.: Защищайте благодетелей своих!

Ж.: Может, ещё Киев защищать? Киев тоже защищать?!

П.: Киев надо брать так, как его брала первая конная армия.

Ж.: Вот рядом Киев. Коммунист Ющенко ворует наш газ. Вы не можете спасти свой газ, причём здесь Гитлер?

ВЕДУЩИЙ: Владимир Вольфович, Вам только что предложили пойти войной на Украину...

Для участников парадиалога оппонент выступает в качестве стимула для саморазвёртывания автокоммуникативного по сути дискурса. Это напоминает разговор с воображаемыми собеседниками во сне или в бреду. В парадиалоге мы видим не просто злоупотребление аргументами *ad hominem* или стремление унижить, оскорбить собеседника; налицо огульные обвинения, грубая брань и взаимные оскорбления. Так, П., не затрудняя себя соблюдением коммуникативного «этикета», заявляет Ж.: «Вы — Геббельс!», «Вы живете на дотации врагов России», «Вы — Иуда!», «Вы — предатель стратегический». Ж. тоже в долгу не остаётся: «Вы — лжец!», «ВЫ — сумасшедший!», «ВЫ — террорист-одиночка!», «ВЫ — кучка недобитых коммунистов!», «ВЫ — мерзавцы и негодяи!». Но какой милый парадокс — эти страшные слова ничего страшного в телестудии не вызывают. Публика хохочет. Ж. оскорбляется, а П. не оскорбляется. П. грозит, а Ж. не страшно. Все это очень похоже на фиктивный хужественный дискурс. Это — мир нонсенса, с которым сталкивается кэрролловская Алиса в «стране чудес» и в «зазеркалье». Но только вот у Кэрролла речь идёт о сказке — сне малень-

кой девочки, а у нас о взрослых дядях с политическим статусом, общающихся наяву и на глазах у миллионов телезрителей.

Парадиалог как игра и наслаждение

Что за посмешище, — теряя, наконец, терпение, крикнула Алиса. — Знаете что, вам впору ездить на деревянной лошадке с колесиками.

А у неё ход ровный? — с большим интересом спросил Конник, хватаясь за лошадиную гриву, чтобы снова не упасть.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

Парадиалог производит впечатление автокоммуникативного общения. Это объясняется тем, что собеседники адресуют сказанное скорее публике, чем партнёру, с которым они непосредственно общаются. Уже сам этот «рамочный» факт задаёт массу смысловых несуразностей в любом диалоге. Но независимо от этого, в случае нашей «теледуэли» трудно избавиться от ощущения, будто видишь на экране не общественных деятелей, а дурачащихся мальчишек. П. Вирилио в книге «Стратегия обмана» обращает внимание на художественную версию этого феномена: «Несколько лет назад труппа итальянских мимов показала парижским зрителям забавный спектакль, где дюжина взрослых людей, одетых в подгузники и слюнявчики, суетились на сцене, спотыкались, падали, кричали, дрались, водили хороводы и ласкали друг друга... Бурлескные персонажи не походили ни на детей, ни на взрослых, это были фальшивые дети или фальшивые взрослые — или, может быть, карикатуры на детей» [Вирилио 2002: 76].

Хотя речь П. и Ж. трудно назвать детским лепетом, их теледискурс местами напоминает вербализацию детских сновидений или какую-то «промысленную вслух» мечту ребёнка. Но самое интересное — это по-детски игровой характер коммуникативного поведения наших героев.

Если сравнить государственную власть с автомобилем, то большинство населения страны предстанет детьми дошкольного возраста, которые удовлетворяются созерцанием этого красивого объекта, а также возможностью иногда покататься на нем в качестве пассажиров. Политики же делятся на две резко отграниченные друг от друга категории: те, кто правит государственной машиной, и те, кто находится в оппозиции. В демократических системах различие властвующей партии и оппозиции происходит не по принципу власть-безвластие, а по принципу власть правительственная — неправительственная. Здесь настоящая оппозиция всегда имеет солидный кусок неофициальной власти и закулисного влияния. В нашем примере это выглядит так: властвующая партия — водитель, а оппозиционная — механик (или запасной шофер). В тоталитарных режимах оппозиции нет вообще, зато есть вождь — водитель автомобиля и масса — его вечно благодарные пассажиры. При авторитарном режиме оппозиция формально не запрещена, но реально к управлению государственной машиной не допускается. И это сближает поведение такой оппозиции с игрой ребёнка дошкольного возраста.

В этом возрасте дети уже знают о мире взрослых, о предметах, которыми те пользуются, и хотят ими оперировать. Ребёнок кричит: «Я сам!» — а взрослые отвечают: «Нельзя, ты ещё маленький!» Это несоответствие между потребностью ребёнка действовать по-взрослому и невозможностью такого действия разрешается в ролевой игре⁹. Нечто аналогичное происходит с политической оппозицией при авторитарных режимах. Противоречие между желанием порулить государственной машиной и невозможностью это сделать она разрешает

⁹ В изложении специфики детского игрового поведения мы опираемся на работу А. Леонтьева [Леонтьев 1981: 481–508].

через поведение, структурно напоминающее «игру во власть». Это хорошо было видно на президентских выборах 2004 г., когда Ж. выставил кандидатом в президенты не себя, а потешного персонажа из своей партии. Другой пример — неоднократное формирование «теневых» (альтернативных) кабинетов министров руководством КПРФ. Прохановскую газету «Завтра» тоже нельзя назвать серьёзным оппозиционным изданием, поскольку жанрово она оформлена как нечто несерьёзное, квазихудожественное (скетч, анекдот, сплетня, лубок и т. п.). Сходная тенденция заметна и в пространстве российского ЦТ: смещение акцента в политических ток-шоу от *talk* к *show*, к игровым рамкам «дуэли», «ринга» и т. п.

Согласно А. Леонтьеву, мотивом детской игровой деятельности является не результат, а само содержание игры. В этом смысле игра детей не продуктивна, а значит — свободна от обязательств и ответственности взрослого поведения. Именно такой и становится деятельность легальной оппозиции авторитарного типа. Её ролевую игру надо чётко отличать от «игр на результат», к которым относятся спортивные, биржевые, военные и прочие игры взрослых людей, а также все политические игры (публичные и закулисные) «взрослых» политических сил, соперничающих за власть в условиях реальной политической конкуренции. Но даже дети не просто имитируют, а как бы симулируют в игре взрослое поведение, сохраняя и воспроизводя его структуру. В этом и состоит смысл игры, её наслаждение для ребёнка и ... для оппозиционного политика авторитарного типа. Неважно, что кандидат в президенты никогда не сможет выиграть выборы и стать президентом, что теневой кабинет никогда не выйдет на свет реальной политики, что оппозиционную газету покупают ради смеха. Ведь главный мотив такой деятельности — она сама, а не её результат.

Если оценивать рамочные условия диалога Ж.–П., то все происходящее напоминает детскую игру с фиксированными правилами. Перед участниками телешоу ставится задача: выиграть голосование телезрителей и таким образом победить в «теледуэли». Однако «дуэлянты» не обнаруживают никакой реальной заинтересованности в конечных результатах своего вербального сражения (что, помимо прочего, связано с невозможностью объективного телеголосования). Им, как говорится, важен сам процесс, а также реклама собственной персоны. Впрочем, артистическое удовольствие от игры здесь тоже нельзя исключать.

В играх детей дошкольного возраста всегда присутствует игровая роль и сюжет. В нашем случае сюжет тоже есть: столкновение коммунизма и антикоммунизма в решающей идеологической схватке. Роли распределены чётко: «последний солдат советской империи» (П.) и «первый демократ постсоветской России» (Ж). Причём эти роли открыты, и помимо общего и внешнего (для самой игровой ситуации) правила «дуэли» других правил не выставляется. Это даёт полный простор для игровой фантазии и импровизации «дуэлянтов». Имеются у них и любимые «игрушки», выбранные сообразно ролям. П. как «последний солдат империи» любит солдатиков и пушки. Как трёхгодовалый крепыш елозит игрушечным танком по полу, имитируя езду, так и П. указывает на соловьевский игрушечный «барьер» для дуэлянтов и кричит «Вот мой танк!». В эпоху якобинского террора французские дети играли маленькими гильотинками. П. играет в нацистский концлагерь, весело описывая воображаемую участь оппонента. Ж., в свою очередь, вживается в роль первого посткоммунистического демократа. Отбрасывает в сторону «русского солдат(ик)а, омывающего сапоги в Индийском океане», и начинает жонглировать понятиями «гуманизм», «пацифизм» и даже «прав народов на самоопределение». При этом оба героя играют в «политическую полемику», в «принципиальный» идеологический спор, так что игрушками выступают идеологии, известные люди, великие политики и даже такие фундаментальные вещи, как политическая мораль, национальное прошлое, историческая память и т. д.

В парадигме Ж.–П. просматриваются и явные аналогии с детской игрой-фантазированием. В примере с автомобилем это будет соответствовать ситуации, когда дети забрались в него, но не стали играть «в шофера», а предались мечтаниям о том, как они совершают экзотическое путешествие. Сравним аналогичный дискурс наших «взрослых детей»:

Ж. (*Проханову*): Сейчас Вам уже за 70. Скоро Вы умрёте. И я буду хоронить Вас. Я оплачу все поминки.

П.: Но из могилы высунется костлявая рука и схватит Вас за кадык, и утянет туда!

Ж.: А я бульдозером, бульдозером!

П.: А вы уже там. А советские солдаты придут и воткнут штык в Вашу могилу!

Ж.: Вот почему... вот почему вся Европа осуждает, что ВЫ даже оттуда, из могилы, будете хватать нас за ноги... (*хохот в студии*).

Надо отдать должное наблюдательности телеведущего В. Соловьева: он не только заметил, что его «дуэлянты» ведут себя как дети, но и точно определил «возрастные рамки» их игры: «Разбирайте игрушки, возвращайтесь в песочницы, потому что у вас пока дискуссия на уровне, которая заканчивается в шестилетнем возрасте».

Однако социально-коммуникативные функции игры в парадialogе совсем иные, нежели в детской игре. Для ребёнка игра выступает формой творческого освоения мира и развития индивидуальности. В известном смысле она его просвещает, а вот симуляция детской игры в парадialogе в качестве эрзаца серьёзной политической коммуникации развращает граждан. Как это ни покажется парадоксальным, но инфантильно-игровые моменты поведения в парадialogе свидетельствуют об авторитарном характере политических личностей Ж. и П. даже больше, чем содержание их речей.

Парадиалог как «систематизированный бред»

А кто тут поблизости живёт?

Там, — ответил Кот, вытянув правую лапу, — живёт Шляпочник. А там, — и он вытянул левую лапу, — живёт Заяц. Всё равно, к кому идти. Оба они со сдвигом.

Но я к таким не хочу, — возразила Алиса.

Тут уж ничего не поделаешь, — сказал Кот. — Мы все со сдвигом. Я со сдвигом, ты со сдвигом.

Почему ты решил, что я со сдвигом? — спросила Алиса.

Так должно быть, — ответил Кот. — Иначе бы ты сюда не попала.

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес.

Казалось бы, содержание упомянутых выше вступительных речей Ж. и П. должно вызвать у неискушённого слушателя однозначную реакцию: «Это — бред». Но эта реакция не может быть однозначной хотя бы потому, что «бредящие» участники парадialogа бредят на публику, перед телекамерами и хорошо об этом знают. И все же: образует ли их речевая продукция аналог бредовых текстов? Как деликатно выразилась одна из «судей», И. Тюрина, «Владимир Вольфович, с одной стороны, вроде бы твёрд в своих убеждениях, но противоречив». Однако подчёркнутая твёрдость убеждений, безразличная к их противоречивости, — один из верных признаков бредового сознания. Здесь действительно присутствуют явные аналогии с так называемым «систематизированным бредом».

Обнаруживается это прежде всего в схожести парадialogического дискурса Ж.–П. с резонёрским мышлением, соскальзывающим с объективной логики предмета и производящим пустые рассуждения, основанные на поверхностных, формальных аналогиях, на паралогизмах:

ВЕДУЩИЙ: Обозначает ли это, что точно так же тогда необходимо предать демократической анафеме весь средневековый период истории?

Ж.: Это сделано.

ВЕДУЩИЙ: Кем?

Ж.: Человечеством. Все это сделали, все попросили прощение. Даже Ельцин попросил прощение за демократический террор.

ВЕДУЩИЙ: Я не уверен, что Ельцин — персонаж средневековой истории.

Ж.: Я имею в виду сегодняшний день. В средних веках было много страшного, много, вся история кровавая...

За резонёрствующим мышлением психотика (шизофреника) стоит феномен полисемантизма, когда слово используется сразу в нескольких значениях, без учёта конкретной ситуации, диктующей какое-то одно. Отсюда склонность шизофреника к экзотическим (неадекватным ситуациям) употреблениям слов, витиеватости, рифме, каламбурам и пр. Особенно «хорошо» в этом смысле дискурс П.: «Победу делал народ, победу делал Сталин, победу делал не Жириновский, победу делала сталинская индустрия, победу делали сталинские соколы, победу делали сталинские крестьяне, которые взяли красные кресты и подняли ваших геббельсов и гитлеров на штыки!».

Здесь хорошо видно, что общий смысл фразы подчинён ритму, почти рифмованному набору стереотипных выражений. Нелепые субъекты по имени «сталинские крестьяне» берут в руки нелепые объекты под названием «красные кресты». Есть подозрение — только потому, что слово *кресты* эхологически перекликается со словом *крестьяне*, а слово *красные* семантически уравнивает слово *сталинские*. Но «геббельсов и гитлеров» они все же поднимают не на эти кресты, а на штыки (потому что на язык напрашивается данный стереотип). В этом предложении смысл послушно следует за словами, а не наоборот, как в обычной речи. По концентрации аномалий такая фраза вполне сравнима с шизофатическим дискурсом, но в отличие от него тут налицо экспрессия, эмоционально-суггестивное воздействие на слушателя. А это уже ближе к политическим речёвкам или текстам абсурдистской поэзии.

Как известно, паралогическая речь психотика являет собой начальный этап распада повествовательности. Между сюжетами нарушается логическая связь, игнорируется элементарная логика объективной действительности. Но в *систематизированном* бреде повествовательность не распадается абсолютно, а представлена в форме так называемого «фабулирующего мышления». Последнее в том смыслеещё остаётся повествованием, что ему присуща определённая сюжетная линия, сериальность действий героев, событий. Однако этот нарратив оказывается чистейшим вымыслом, который мышление вообще не отличает от действительности, что ведёт к семантическим и прагматическим нелепостям, к своего рода «сновидениям наяву». Этот момент — хотя и в превращённом виде — в парадигмалогическом Ж.–П. тоже присутствует. Особенно показательны в данном отношении вступительные речи Ж. и П.

Ж. живописует некую фантастическую силу по имени «коммунисты», которые под разными масками действовали в России на протяжении последних ста лет, выступая главной причиной всех её бед и страданий. Таинственным образом оставались они коммунистами, даже будучи уже антикоммунистами и капиталистами; они сами создавали себе предателей, которых сами же и расстреливали; они возводили красную империю, а потом сами её разрушали. Более того: коммунисты есть причина всех бед новейшей мировой истории, они несут ответственность за все войны и революции прошлого и наступившего столетий. Особую причудливость этому повествованию придаёт сентиментальная история про «плачущих офицеров КГБ», которые «хотели сохранить страну», но сдали её, чтобы освободиться из-под гнёта «негодяев-коммунистов».

У П. — своя фантастическая повесть о предателях Родины, которые тоже совмещают в себе исторически несовместимые качества. Эти предатели «стали истреблять поэтапно нашу страну», так что «к 91-му г. от страны почти ничего не осталось, потом пришли наследники Горбачева, Ельцин и господин Жириновский, и растаскали нас на ошметки». Эти демонические силы «хотят сожрать ещё один фрагмент русской истории», демонизируя большевиков. Точно так же «они сожрали фрагмент белой истории», демонизируя «царя и русских монархистов». В октябре 1993 г. эти предатели «стреляли нам в спину». При этом «200 миллионов

советских людей» стреляли им в ответ, но почему-то ни в кого не попали и разрушение Родины предотвратить не смогли. И это тем более удивительно, что по крайней мере часть этих предателей (Ж. и ему подобные), будучи трусами, вообще не сражались, а «сидели в барах». А вот П. со товарищи, напротив, «умирали в тюрьмах, умирали на баррикадах», но, впрочем, не умерли. Прохановский рассказ производит впечатление цитаты из какого-то мистического романа, литературной фикции или виртуальной игры, где в любой момент одного героя можно заменить другим, вылепить уродца из богатыря, перевернуть сюжет, вставить эпизод, изменить финал и т. д.

Хотя любой бред предполагает известный распад повествовательности, систематизированный бред содержит некую стабильную картину мира, набор постоянно повторяющихся сюжетов, персонажей. После кристаллизации в сознании человека бредовой картины мира «возникает бредовая система, в которой можно выделить её стержень, ось. Вокруг этой оси и группируются взаимосвязанные между собой бредовые переживания» [Блейхер 1983: 121]. Эта ось может строиться по модели мании величия или мании преследования, и любой парадиалог есть в известном смысле обмен такого рода бредовыми сюжетами. Если наложить данную структурную схему на речевую продукцию Ж. и П., то в ней обнаружатся образцы, похожие на оба указанных типа бредовых текстов. Различие состоит только в акцентах: П. больше склонен к фиксации «преследующего другого», а Ж. — своей сверхценной личности. П. часто идентифицирует Ж. с какой-то мифической «агентурой». Этот образ жертвы, истребляемой могущественными силами, приобретает у П. некрофильский оттенок. Вражеско-фашистское «ВЫ» (включая Ж.) не просто наложило на себя руки в «имперской канцелярии», а сожгло себя там. Опять же П. видит Ж. сгоревшим в фашистском «крематории на окраинах Алма-Аты» и чувствует исходящий от него «лёгкий ароматный дымок» (какой мучительно-приятный образ!). Ещё одной особенностью прохановского «брёда» является его подчёркнуто фантастический характер. П.: «Вы — Геббельс, г-н Жириновский. Вам надо вернуться в свою штаб-квартиру, потому что на пороге Вашей штаб-квартиры — советские танки! Вам надо распустить свою партию, потому что она очень скоро будет подвергнута репрессиям господина Устинова. Вы живете на дотации, на дотации врагов России. Это бесспорно». Бредовость этого высказывания настолько очевидна, что Ж. мгновенно использует её для дискредитации своего оппонента: «Вы — сумасшедший!»

Но и сам Ж. продуцирует тексты с признаками мании величия и мании преследования. В роли «преследующего другого» у него выступает и русский коммунизм («завтра, если вам дадут возможность восстановить сталинский режим, вы всех нас повесите, всех уничтожите, всех загоните в лагерь»), и китайские коммунисты-националисты, и «дикий, грязный капитализм». И чем сильнее и коварнее предстают в описании Ж. эти «силы зла», тем величественнее оказывается фигура «спасителя», т. е. самого Ж. Поэтому и его «теледуэль» с П. — не рядовое шоу, но суд Истории. Местами Ж. переходит даже не к систематизированному, а к почти отрывочному бреду с характерной «скачкой идей». Вот, к примеру, его замечательное «определение» тоталитаризма: «Когда все решает одна партия, опирающаяся на одну идеологию, она имеет тайную политику и насилует только насилует насаждать свои ценности и никаких выборов, никакого выбора семьи, работы, ничего, творчество, темы закрытые, писатели в тюрьмах, все, научное направление закрыто, кибернетика, все мы отстали из-за этого, мы не можем, они все закрыли. Все было буржуазное, оказывается, а где советское?». Здесь бред подаётся почти в «телеграфном стиле» известного типа афатических расстройств.

На первый взгляд кажется, что участники парадиалога лишь симулируют симптомы бредового сознания. Мы не можем сказать, что они действительно бредят или одержимы квазирелигиозным мифом, «живут» в нем, как община дикарей у Б. Малиновского. В то же время нельзя утверждать, что после телеэфира Ж. и П. не будут и дальше спорить примерно в том же духе. Вероятно, дискурсу участников нашего парадиалога, являющихся в жизни не профессиональными актёрами, а общественными и политическими деятелями, в принципе

присуща неотрефлексированность и автокоммуникативность. Так что возникает нетривиальный вопрос: насколько фиктивен в парадиалоге бред («разорванное мышление»), а насколько — сама коммуникативная рамка диалога? В любом случае, если дискурс участников парадиалога и фиктивен, то в каком-то ином, не религиозном и не художественном смысле. Но это и не фикции-стереотипы повседневной театральности, хорошо изученной в социологии общения «лицом к лицу». Одним словом, дискурс парадиалога — это сложная проблема коммуникативной теории, позволяющая, помимо прочего, серьёзно обсуждать проблему политической театральности.

Квазихудожественная фиктивность парадиалога

Лев утомлённо посмотрел на Алису.
Ты животное... минерал... или растение? — спросил он, зевая после каждого слова.
Это сказочное чудовище! — вскричал Единорог, прежде чем Алиса успела ответить.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье.

Разорванное мышление участников парадиалога напоминает известную в психиатрии «мифоманию» или «псевдологию» как болезненную склонность к вымыслу и лжи. Действительно, статус мифообразов в парадиалоге существенно отличается от их статуса в классическом (сократическом) диалоге. У Платона миф вплетён в аргументацию как продуктивная базисная метафора, как натуральная мыслительная мощь языка. В парадиалоге же миф выступает чисто вербальной конструкцией, «избытком сигнификации» по отношению к сути дела. В какой-то мере он оправдывает данное М. Мюллером определение мифа как «болезни языка». Но все же точнее было бы говорить здесь об «имитации мифа вне мифологического сознания», т. е. об онтологизации метафоры, её буквальном прочтении, что уничтожает метафоричность текста и создаёт альтернативный дискурс [Лотман, Успенский 1992: 69].

Такой дискурс отрицает характерное для сократического диалога семантическое движение в виде пошагового развития мысли, внутренних семантических сдвигов. Это движение присутствует как бы «за кадром». И связано оно с логикой инсценирования, а не с логикой обсуждаемых предметов и проблем. Ж. начинает «теледуэль» с конструирования образа «преступного коммунистического режима», которому П. противопоставляет образ предателя и политического оборотня Ж. На эти вербальные конструкты Ж. отвечает новой версией мифа о «преступном коммунистическом режиме» и т. д. Мы видим здесь череду мифообразов, метафор, символов, но поступательного семантического движения в рамках объявленной темы не происходит.

В качестве примера подобной имитации мифа Ю. Лотман и Б. Успенский не случайно приводят дискурсивные техники сюрреализма. Искусство XX в. широко и успешно осваивало ментальные практики психических расстройств. Но именно сюрреализм даёт пример совершенно сознательного, рефлектирующего подражания безумию. По словам А. Бретона, поэтический сюрреализм пытается «восстановить абсолютную истину диалога путём освобождения обоих собеседников от долга взаимной вежливости. Каждый из них просто-напросто ведёт свой собственный монолог, не пытаясь при этом извлечь какого-либо особого диалектического удовольствия, ни тем паче ввести в заблуждение своего партнёра. При этом наши высказывания отнюдь не имеют целью, как обычно бывает, развить какой-либо — пусть даже самый ничтожный — тезис, они бесцельны настолько, насколько это возможно. Что же касается ответа, который они вызывают, то он в принципе никак не затрагивает самолюбия говорящего. Его слова, его образы служат лишь трамплином для сознания слушающего» [Бретон

1986: 64]. Примечательно, что Бретон проводит прямую аналогию между сюрреалистическим диалогом и умственными расстройствами.

Если под бретоновским углом зрения присмотреться к диалогу Ж.–П., то он окажется почти буквальной реализацией сюрреалистического понимания диалога. Но есть и важное отличие: Ж. с П. практикуют в парадиалоге не сюрреалистическое искусство, а сюрреалистическую политику. Кроме того, сюрреализм не просто подражает безумию. В известной мере он выполняет просветительскую миссию: раскрывает людям глаза на абсурдный (*подобный* безумию) характер их повседневных диалогов. А вот пародийность политического парадиалога, напротив, не обозначена открыто; парадиалог не оформлен однозначно как художественное произведение, а значит, оказывается смущающей, дезориентирующей формой коммуникации.

Разумеется, фиктивный статус парадиалогической психотичности не исчерпывается близостью к одним только сюрреалистическим текстам. Прежде всего напрашиваются аналогии с диалогами из сказок Л. Кэрролла. В обоих случаях мы видим словесную «потасовку с подтасовкой» героев «со сдвигом». Проиллюстрируем это (без дальнейших комментариев) прямым сопоставлением текстов двух диалогов: из «Приключений Алисы в стране чудес» (в переводе Б. Заходера) и «теледуэли» Ж.–П.

ВЕДУЩИЙ: Давайте постепенно. Во-первых, что, значит, каяться в убийстве царя?

П.: Все призывают нас каяться в убийстве царя.

Ж.: А что, разве его не убили?

П.: Зачем в этом каяться?

Ж.: Где в мире убили своего царя? В какой стране? Никогда.

ВЕДУЩИЙ: Вам не понравится ответ: стран очень много. О Франции слышали?

Ж.: Знаю и не люблю.

ВЕДУЩИЙ: Молодец. У них там, помните, Бастилию брали?

Ж.: Брали Бастилию, ни одного выстрела, ни одного трупа, два часа и все.

ВЕДУЩИЙ: А потом прошло несколько лет, и там кого-то казнили. Кого не помните?

Ж.: Казнили, якобинцы там были, революционеры были, и Кромвель в Британии казнил, и в Чили Пиночет был, сколько крови человеческой...

ВЕДУЩИЙ: То есть, императорские семьи не казнили?

Ж.: Казнили везде.

ВЕДУЩИЙ: Уже везде казнили.

Ж.: Но мы за свою историю отвечаем.

В некотором царстве, в некотором государстве, — скороговоркой начала Соня, — жили-были три сестрички, три бедных сиротки, звали их Элси, Лэси и Тилли, и жили они в колодце на самом дне.

– А что же они там ели и пили? <...>

– Сироп.

Что вы! Этого не может быть, — робко запротестовала Алиса, — они бы заболели!

Так и было, — сказала Соня, — заболели, да ещё как! Жилось им не сладко! Их все так и звали: Бедные Сиропки! <...>

– Так зачем же они поселились в колодце, да ещё на самом дне? <...>

– Потому что там было повидло! <...>

– Так вот <...> они таскали мармелад оттуда...

– Откуда взялся мармелад? <...>

– Это был мармеладный колодец. <...>

– Я не понимаю, <...> как же они таскали отсюда мармелад?

– Из обыкновенного колодца таскают воду, а из мармеладного колодца всякий может, я надеюсь, таскать мармелад. Ты что, совсем дурочка?

– Я говорю, как они могли таскать мармелад отсюда! Ведь они там жили <...>

– Не только жили! <...> Они жили-были! <...> Так вот, этот самый мармелад они ели или пили — делали что хотели ...

Тут Алиса не выдержала. Как же это они пили мармелад?! — закричала она. — Этого не может быть!

А кто сказал, что они его пили? — спросила

ВЕДУЩИЙ: Слушайте, у Вас в течение трех минут точка зрения так быстро меняется, что за вами никто не успевает.

Ж.: Никто не уничтожал церкви, даже Гитлер. Вам — к Фоменко и Носовскому, они тоже не любят историю. Гитлер восстанавливал церкви на оккупированных территориях...

Соня.

— Как кто? Вы сами сказали.

Я сказала — они его ели! — ответила Соня. — Ели и *лепили!* Лепили из него все, что хотели, все, что начинается на букву М ... <...>.

Почему на букву М? — только и могла спросить Алиса.

А почему нет? — сказал Заяц.

Алиса прикусила язычок. «Хотя да, мармелад ведь тоже на М», — мелькнуло у неё в голове.

Квазихудожественная фиктивность парадialogа Ж.–П. обнаруживается и в так называемом «обнажении приёма», характерном для абсурдистской литературы с её специфическим избытком сигнификации. В литературе абсурда это обнажение из частного изобразительного средства превращается в ключевой момент семантики и прагматики текста. Ж.-Ф. Жаккар на примере текстов Д. Хармса показывает, как повествование перемещается с фабулы (истории персонажей и связанных с ними событий) на «историю истории», т. е. от повествования — к метаповествованию [Жаккар 2004: 82]. Следствием становится «автосемантичность» или «автореференциальность» текста. Это хорошо согласуется с автокоммуникативностью психического дискурса и представляет собой художественный аналог симуляции диалога в парадialogе. Пример самообнажения приёма мы находим в этом эпизоде:

ВЕДУЩИЙ: Г-н Жириновский и г-н Проханов, скажите мне, пожалуйста: а вот когда нет камер, и нет людей вокруг, и вы видите друг друга, вы такое же устраиваете?

Ж.: Нет, тихо, спокойно. Вот *он* играет на камеру!

ВЕДУЩИЙ: Вы не могли бы проявить уважение к аудитории?

П.: Это невозможно, невозможно...

Ж.: *Он* не может, ему нужна армия, бой, атака. Окоп, смерть! Хоронить, хоронить, хоронить...

ВЕДУЩИЙ: К аудитории! Не друг к другу. Или, по крайней мере, слышать друг друга...

П. (*игривым тоном*): При нашем первом свидании я вылил на него вишнёвый сок, а он скопировал меня и полил Немцова почему-то... Это — жалкое эпигонство.

Ж. (*пожимает плечами*): Я не помню такого.

П.: А вы посмотрите, у Вас вся рубашка в соку. Мы никогда не дружили, это — вечное сражение.

Ж.: Наоборот! На Ваше славное 60-летие Вы меня пригласили — я Вас поздравлял...

Помимо абсурдистского самообнажения приёма, здесь просматриваются также элементы постмодернистской пародии, которые использует прежде всего П.: «жалкое эпигонство» с обливанием соком (пародия на идейную конкуренцию в революционной среде); «рубашка в соку» — пародия на драматический стереотип «рубашка в крови»; «первое свидание», «вечное сражение» — почти декадентская карикатура на мятежный революционный дух классической эпохи. Критик П. Басинский, написавший статью о П. как о «последнем солдате декаданса», называет «безумие и истерику» главными принципами работы прохановского воображения и подчёркивает, что они «не настоящие, а расчётливо сделанные» [Басинский 2004: 11]. Отмечавшаяся многими критиками склонность П. к декадентской метафорике (болезнь, смерть, гибель, гниение, распад и т. п.) только усиливается в парадialogе с Ж., который прибегает к аналогичной метафорике. Характерное для дискурса Ж. и П. явное и неявное цитатничество, постоянные аллюзии, пародийные выходы, описание исторического и политического опыта как бесконечной «комедии ошибок» — во всем этом угадывается художественная постмодернистская классика XX в., постмодернистский «поток сознания».

«Дарование смысла» в парадиалоге

Как же так? — с упрёком сказала Мышь. — Ты тоже должна получить приз!

Сейчас уладим! — внушительным тоном произнёс Дронт и, обернувшись к Алисе, спросил: — У тебя ещё что-нибудь осталось в кармане?

Ничего. Только напёрсток, — грустно ответила Алиса.

Превосходно! Передай его мне, — потребовал Дронт.

И опять все присутствующие столпились вокруг Алисы, а Дронт протянул ей напёрсток и торжественно произнёс:

Я счастлив, сударыня, что имею честь от имени всех участников просить вас принять заслуженную награду — этот почётный напёрсток!

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес.

Если смотреть на происходящее глазами делёзовской «Логике смысла», то статус «судей» в соловьёвской программе в чем-то сходен со статусом нонсенса, который «дарует смысл» [Делёз 1995: 93]. Судьи тоже «даруют смысл»: посреди вербально-мыслительного пепелища окончившейся «дуэли» они должны предложить одуревшему телезрителю какое-то осмысленное суждение об увиденном и услышанном. Но их положение — как зрителей парадиалога — оказывается весьма незавидным: они видят абсурдистское шоу, а их приглашают оценить «диалог политических деятелей». Именно эта изначальная парадоксальность положения судей и делает их похожими на делёзовский нонсенс: на слово, которое одновременно и говорит о чем-то, и высказывает смысл того, о чем оно говорит. Поэтому нечего удивляться абсурдным противоречиям, которые «даруют» нам судьи в своих комментариях.

Четырёх «судей» телешоу можно разделить на две группы. К первой группе относятся те, которые не совсем понимают парадоксальность коммуникативной рамки «дуэли» и вытекающую отсюда двойственность коммуникативного поведения «дуэлянтов»: как предметно мыслящих политиков и как артистов, исполняющих роль. Вторая группа судей понимает это хорошо и даёт соответствующую (двойственную) оценку. Любопытно, что в первой группе оказались представители «творческой интеллигенции»: музыкант А. Маршалл и писательница А. Холина. А. Маршалл, отметив сумбурность речи «дуэлянтов», их стремление переходить на личности и отвлекаться от сути разговора, все же отдал предпочтение Ж., найдя убедительными его экскурсы в историю и даже согласившись «со многими» его оценками. Сходную позицию заняла и А. Холина. С одной стороны, она квалифицировала увиденное как «балаган с размахиванием руками», где вместо обсуждения «действительно важной проблемы» постоянно переходят на личности, с другой — Ж. показался ей более убедительным, «потому что он хоть приводит какие-то факты... а Проханов гонит такую волну коммунистическую».

Хотя дискурс Ж.–П. довольно точно характеризуется словами Делёза о «гротескном триединстве ребёнка, поэта и безумца» [Делёз 1995: 107], это, как видим, не мешает судьям с серьёзным видом рассуждать о нем как о чем-то взрослом, нефиктивном и нормальном.

Во вторую группу вошли представителей профессий, где востребованы, так сказать, здравый смысл и трезвый анализ: пресс-атташе РСТ И. Тюрина и политолог Ф. Лукьянов. И. Тюрина даёт чёткое резюме увиденного: «Все это конечно очень зрелищно, но дуэли, если оценивать их с точки зрения политики, не получилось. <...> Моя позиция такова: я против Александра Андреевича, но и не за Владимира Вольфовича, я воздерживаюсь». Ф. Лукьянов тоже с самого начала фиксирует, что «в такой вот театрализованной дискуссии Жириновский ярче, потому что он как актёр сильнее». Но для него это означает ситуацию *quid pro quo*, когда предметная сторона дискуссии подменяется театральными жестами. Отсюда — крити-

ческое суждение: «В этом поединке нет победителей, зато есть побеждённые, проигравшие. Проигравшие — это мы все, это российское общество. Потому что до тех пор, пока столь фундаментальные вопросы нашей жизни, как отношение к прошлому... будут подменяться театрализованными эффектами и личными выпадами, и идеологическими штампами, мы будем топтаться на месте».

Таким образом, никто из судей не может дать внятной *предметной* оценки выступлений «дуэлянтов». Все их оценки относятся не столько к содержанию, сколько к форме, коммуникативному обрамлению инсценированного дискурса. При этом высший «фокус» этого обрамления в том, что самые трезвые суждения судей в конечном счёте работают не на прояснение, а на профанацию «фундаментальных вопросов нашей жизни». Даже финально-трагическое прозрение политолога Лукьянова («проигравшие — это мы все») воспринимается как театральная жест, как домашняя заготовка для концовки пьесы. Невозможно вести себя однозначно и логично в противоречивом и нелогичном пространстве; трудно оставаться умным в дурацкой ситуации, зато оказаться там дурацким умником — легко. В этом, кстати, заключается один из современных способов реализации апологетической функции так наз. «экспертной культуры» гуманитариев. Апологетика ведь носит не только открытый содержательный характер (по принципу «спасибо партии родной...»); она может быть закодирована в коммуникативном обрамлении самого дискурса. В нашем случае, что бы ни говорил судья-политолог о феноменах вроде парадIALOGа, он не может отразить его истинный фиктивный статус, ибо сам остаётся частью этой фикции, а значит — в объятиях всех её логических и коммуникативных парадоксов.

Клиника и этика парадIALOGа

Перестаньте смеяться — приборы показывают, что вы мертвы!

Расхожая шутка.

Возможно, один из секретов бешеного коммуникативного успеха Ж. (помимо очевидно-го риторического и артистического дара) состоит в продуцируемой им модели массового психоза. В дискурсе Ж. общественность узнает свой собственный бред, который она носит в себе как нечто сугубо интимное, а потом вдруг видит его на экране. Вот такой «случается бред», как выражался М. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». И созерцая этот бред, публика переживает психотический катарсис, получает очищение-облегчение — и почти интимную душевную связь с главным политическим клоуном и психотерапевтом страны.

Квазипсихотическая разорванность российского массового сознания выражается в неспособности людей различать в политической коммуникации уровни абстракции, ступени политического языка, коммуникативные обрамления политических событий. Им не понятно, где в политике фикция — где реальность, где в шутку — где всерьёз, где смех, а где горе. Можно согласиться, что подобные различения проблематичны не только в российской политике, что границы между актёрством и политикой всегда и везде были текучими. Вопрос, однако, не в том, насколько диффузны эти границы (а разве граница между игровым и неигровым поведением не является условной и подвижной даже у высших животных?), а в том, сохраняет ли общественность способность и потребность такие границы проводить.

Накануне отъезда Ж. на упомянутую сессию ПАСЕ Российский фонд защиты мира вручил ему как лидеру крупной политической партии (и вице-спикеру национального парламента) премию и медаль. Вручавший награду зам. председателя комитета Госдумы по международным делам Л. Слуцкий заявил: «Все, что делается Владимиром Вольфовичем как лидером политической партии, говорит о миротворчестве». Если совместить это с публичной речевой

продукцией Ж. (в т. ч. и в рассмотренной нами «теледуэли»), то трудно избежать вывода о «невменяемости» российского политического дискурса. Но было бы глупо метать моральные громы и молнии по поводу парадIALOGОВ вроде «дуэли» Ж.–П. Глупо, ибо у такого рода дискурса всегда есть эстетическое алиби: коммуникативно он *позволяет* толковать себя как шоу, как *игру* в дуэль. Правда, никто не объяснял зрителям, что известные политики сегодня вечером будут артистами, но, с другой стороны, никто и не обещал им трезвого политического анализа. Да и ведущий В. Соловьев ведь не политический обозреватель, а «талантливый шоу-мэн». И само по себе это было бы ни хорошо, ни плохо, если бы такие квазиполитические шоу не подменяли собой серьёзного разговора о политике, если бы в реальном контексте нашего телевидения эти шоу не были забавной *пародией* на аналитические политические программы, наконец, если бы главными героями телевизионных разговоров о политике у нас были не политические артисты, а просто политики и дельные эксперты. Одним словом, если бы такие телеспектакли сами по себе не были какой-то парapolитикой.

Парapolитическим этот опыт является потому, что он оперирует не объективной, а симулированной картиной политической действительности. Симуляция, как бы хорошо мы к ней ни относились, есть регрессивный опыт — в том смысле, что она отходит от реальной логики предмета, который симулирует. Она есть именно мнимый, притворный образ предмета, рождённый через подражание его внешним свойствам. Но регрессивность заключена не столько в самом смещении от логики к эстетике (в широком её понимании), сколько в *подмене* предметно-логических характеристик эстетическими. Сколь бы ни было забавным театрализованное представление Ж. и П., с точки зрения предметной логики затронутых в нем проблем оно является регрессивным опытом. И это — даже не морально-негативная оценка, а коммуникативный диагноз. Сама по себе регрессия не всегда носит злокачественный характер. Секта православных коммунистов, тихо молящихся перед иконами Ленина и Христа, — не социальное зло, равно как и община хиппи, нашедшая антикапиталистическую альтернативу в объятиях природы и марихуаны. Однако и то, и другое есть регрессивный опыт с точки зрения предметной логики политических отношений.

Политическая регрессивность рассматриваемого парадIALOGA станет очевидной, если мы примем во внимание такой реально-политический аспект, как оппозиционность. Оба участника парадIALOGA считаются представителями современной политической оппозиции в России. Во всяком случае к «партии власти» формально они не относятся. Более того, сам повод для «дуэли» — участие Ж. в сессии ПАСЕ — подаётся «первым демократом страны» в оппозиционном ключе. Ж. считает себя единственным российским политиком, свободным от коммунистического наследия, в т.ч. и по сравнению с нынешней партией власти. Но с учётом проанализированной выше речевой продукции «дуэлянтов» создаётся совершенно комичный, инфантильно-идиотский образ этих «оппозиционных сил». Оппозиция, ориентированная на все возможные позиции и ни на какую из них конкретно, оппозиция, первейший принцип которой — поддерживать любое существующее правительство, оппозиция, выступающая политической версией «любовной связи антиномий», — такая *симуляция* оппозиции желанна для любого правительства.

На нашем ТВ сегодня отсутствуют серьёзные политические ток-шоу, которые транслировались бы в наиболее удобное для зрителей время, сразу после выпуска вечерних новостей. Речь идёт о политических передачах, которые давали бы публичную площадку основным политическим силам страны, включая оппозиционные и непарламентские партии, и не выстраивали свою коммуникативную рамку по развлекательно-инфантильному образцу каких-то дуэлей, состязаний, гейм-шоу и пр. Такого рода передачи есть во многих странах. У нас же, как точно отметил А. Пушкин, «как ни посмотришь госканалы в прайм-тайм, там почему-то все смеются... А смешат одни и те же люди. Появилась корпорация, веселящая страну» [Пушкин 2006: 3].

Г. Алмонд как-то заметил, что политическая суматоха мешает смотреть на политику как на «интересную патологию». Суматоха нашей политической жизни этому явно не мешает, только вот не очень вдохновляет тех, кто живёт внутри этой «интересной патологии». Как ни смейся над забавной дурашливостью политиков, от неё реальные проблемы смешнее не становятся; как ни хохочи над собственным прошлым, без него серьёзного будущего тоже не получится. Но из специфического комизма политических парадигмалогов выходит, что настоящего прошлого у нас нет, а есть только горе-прошлое; и нет у нас серьёзной политической оппозиции — одна только горе-оппозиция.

И нет ничего смешнее такого горя.

-
- Базылев В., Сорокин Ю. 1998. О нашем новоязе. — *Независимая газета*. — 25.09.
- Басинский П. 2004. Последний солдат декаданса. — *Литературная Газета*. — № 40.
- Бахтин М.М. 1979. *Проблемы поэтики Достоевского*. — М.: Художественная литература.
- Блейхер В.М. 1983. *Расстройства мышления*. — М.: Здоровье.
- Бретон А. 1986. Манифест сюрреализма. — *Называть вещи своими именами*. — М.: Прогресс.
- Вирилио П. 2002. *Информационная бомба. Стратегия обмана*. — М.: Гнозис.
- Делёз Ж. 1995. *Логика смысла*. — М.: Издательский центр «Академия».
- Жаккар Ж.-Ф. 2004. «Cisfinitum» и Смерть: «Каталепсия времени» как источник абсурда. — О. Буренина О. (ред.) *Абсурд и вокруг*. — М.: Языки славянской культуры.
- Леонтьев А.Н. 1981. *Проблемы развития психики*. — М.: Издательство МГУ.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. 1992. Миф – Имя – Культура. — Лотман Ю.М. *Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры*. — Таллинн: Александра.
- Николаева Т.М. 1990. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия. — Арутюнова Н.Д. (ред.) *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. — М.: Наука.
- Остин Дж.Л. 1986. Слово как действие. — *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов*. — М.: Прогресс.
- Падучева Е.В. 1982. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. — *Семиотика и информатика*. — Вып. 18. — М.: ВИНТИ.
- Пушков А. 2006. Столкновение экстремизмов. — *Литературная Газета*. — № 16.
- Смирнов И.П. 1991. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. — *Wiener Slawistischer Almanach*. — S. 28.
- Ширяев Е.Н. 2001. Что такое разговорный диалог? — *Русский язык: исторические судьбы и современность*. — М.: Издательство МГУ.
- Luhmann N. 1975. *Interaktion, Organisation, Gesellschaft*. — Luhmann N. *Soziologische Aufklärung — II. Aufsätze zur Theorie der Gesellschaft*. — Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften.